

Русский телеграф,
— 1998. — 19 мая. — с. 10

Героическое изящество

Умерла
Нина Дорлиак

С тех времен, когда искусство замечательной певицы переживало прекрасный расцвет, прошло уже почти полвека. Но вряд ли с тех пор кому-либо удалось спеть романсы Глинки или Даргомыжского с такой степенью стилистической чистоты, с такой ясностью душевного строя, с такой мерой ответственности перед интонацией и словом.

Ее записи еще долгое время будут оставаться эталоном русского камерного исполнительства; ее имя часто будет целомудренно напоминать нам, что большие голоса и размашистые оперные страсти — совсем не синоним вокала; воспоминание о ее художественном и человеческом облике всегда призовет нас к осторожности в глобальных суждениях о советской музыкальной культуре.

Нина Дорлиак была спутницей жизни Святослава Рихтера и умерла, не прожив и года после его смерти; ее краткая, но незабываемая вокальная карьера связывается в нашей памяти с творчеством гения пианизма. Но столь же справедливо связать ее с традициями русской камерной вокальной школы прошлого, с именами М. Олениной д'Альгейм, А. Доливо, З. Лодий. А также с героически уцелевшей традицией русского аристократизма.

Французский с детства был ее вторым родным языком; бергеретты Векерлена она пела не просто на языке оригинала, но с изысканным произношением — критиковать его тонкости мог только поклонник ее искусства Б.В. Томашевский. Впрочем, чаще она пела по-русски; и русский Шуберт или русский Шуман в ее устах был не просто чертой времени, но знаком единства русской и западной культуры.

Дед Нины Дорлиак, гасконец, был приглашен в Россию при Александре II преподавать в Смольном институте. В том же институте училась ее мать Ксения Дорлиак, происходившая из рода немецких баронов, вагнеровская певица европейской известности.

В искусстве Нины Дорлиак соединились немецкая романтичность, французское чувство стиля, петербургская строгость и московская душевность. Петербуржка по воспитанию, она с 17 лет начала заниматься вокалом у матери; позже Ксении Николаевне пришлось поменять ленинградскую консерваторию на московскую; в Москве брат Нины Львовны, красавец Дмитрий, стал известным вахтанговским актером, сыграл в фильмах «Зори Парижа» и «Строгий юноша» и безвременно умер в 1938 году. Нина Львовна, окончив в 1933 году консерваторию, появилась на сцене оперной студии в нескольких оперных партиях: особенно хороша в ее исполнении была моцартовская Сюзанна в «Свадьбе Фигаро». В дальнейшем Нина Дорлиак в опере никогда не пела — как она сама хорошо понимала, ее голос был мал для сцены, — но именно в партии Сюзанны ее заметил дирижер Георг Себастьян, пригласивший певицу сделать вместе с ним камерную программу. Партнерами Нины Дорлиак всегда были лучшие пианисты — Абрам Дяков, Мария Гринберг, Нина Мусинян; эта среда была ей ближе, чем вокальная. «С певцами никогда не общались, только с пианистами», — обмолвилась как-то Нина Львовна, вспоминая студенческие собрания у матери на Арбате. С ней вместе выступали Игумнов, Гольденвейзер, Юдина. Она была первой исполнительницей «еврейского цикла» Шостаковича — вместе с Зарой Долухановой, Алексеем Масленниковым и самим автором за роялем. А.Ф. Гедике приглашал ее в свои органичные программы; это был не только Бах, но и, например, песни Вагнера с аккомпанементом органа — что, конечно, романтическая вольность, но дорогого стоило бы сейчас такую услышать; с другой стороны, она успела прикоснуться и к «историческому» музицированию, когда спела в 1962 году те же самые бергеретты Векерлена под аккомпанемент клавесина Андрея Волконского.

Нина Дорлиак в Литературном музее.
Архивная фотография 1955 года

Ансамбль с Рихтером возник в 1946 году; некоторыми он воспринимался как нонсенс — молодой титан у клавиатуры рядом с певицей таких, казалось бы, скромных данных. Но мало было в истории образцов такого возвышенного и почтительного партнерства; она вовсе не была ведомой: как считают те, кто слышал их тогда, это содружество много дало самому Рихтеру. По счастью, образцы остались в записях: от арий Баха до «Гадкого утенка» Прокофьева.

Нина Львовна начала преподавать рано; уже в 1947 году она стала профессором московской консерватории. Пока советская вокальная школа была отрезана от мировой вокальной культуры, именно ее класс был той средой, где молодые певицы могли учиться тонкостям камерного пения и утонченным манерам — но ни одна из них, конечно, не могла перенять от своей учительницы того, что дается только породой и настоящей культурной традицией.

Нина Львовна Дорлиак будет похоронена на Новодевичьем кладбище, рядом с Ксенией Николаевной и Святославом Теофиловичем.

ПЕТР ПОСПЕЛОВ